

УДК 947.02; ББК 63.3(2)4; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.102>

А. В. Мартынюк

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ И КОНСЕРВАТИЗМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ К АКСИОЛОГИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Изучение истории Восточной Европы периода Средневековья и раннего Нового времени имеет давнюю историографическую традицию. Как и всякая научная дисциплина, данная область исторической науки знала смены исследовательских парадигм, испытывала прямое и косвенное влияние «социального заказа» со стороны государства, реагировала на запросы общества. Современное состояние восточноевропейской медиевистики можно охарактеризовать как «парадигмальную дезинтеграцию»: единая прежде область исследования стремительно распадается на отдельные «кластеры изучения», не только методологически (в силу существующей ситуации методологического плюрализма), но и содержательно. Решающим фактором этого процесса является становление на просторах Восточной Европы новых национальных государств, ищущих свои корни в истории. Во всех государствах региона в той или иной форме возобладали национально-государственные концепции осмысления собственного прошлого.

Наблюдаемая сегодня ситуация «национализации истории» понимается нами как объективная, без негативных коннотаций. Применительно к восточноевропейской медиевистике можно говорить также о феномене «мобилизации Средневековья» (термин введен Александром Ильичом Филюшкиным¹) — интеграции далекого прошлого в нарратив становления нации, что, несомненно, способствует повышению значимости исследований, включению результатов работы академической науки в поле интересов

¹ См.: Филюшкин А. И. 1) «Мобилизация Средневековья» как инструмент формирования представлений о славянском единстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. С. 22–39; 2) «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: Какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. 2017. № 2. С. 571–592.

широких слоев общества. Однако очевидно, что при этом утрачиваются как традиции и достижения предшествующей историографии, так и исследовательские возможности для дальнейшего изучения и описания истории восточноевропейского региона. Прежде всего это касается общего видения прошлого Восточной Европы в широкой исторической перспективе, выходящей за рамки интересов и возможностей отдельных национальных историографий.

История Восточной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени — это не только эпоха «исторических корней» и предыстория современных государств и наций, но и история интеграций. Древняя Русь, Великое княжество Литовское, Московское княжество/царство, Речь Посполитая были крупными интеграционными проектами, чья история не сводилась и не может быть сведена к предыстории существующих сегодня государств и наций. Продуктивно ли смотреть на историю региона исключительно через призму национально-государственных концепций? Какой мировоззренческий и методологический инструментарий необходим для адекватной передачи исторических процессов, охватывающих многие века истории и огромные пространства Восточной Европы? Способно ли сообщество историков из разных стран региона самостоятельно выработать парадигмальные исследовательские установки и задать собственную динамику изучения истории Восточной Европы, или само это сообщество приобретет формальный характер, а историки окажутся лишь исполнителями «социального заказа» со стороны государства и общества на «свою историю»? Данная проблематика предлагается для обсуждения на круглом столе.

КОНГРЕСС, ДОКЛАД И ТЕЗИСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Предлагаемые ниже для обсуждения вопросы являются развитием тезисов автора, высказанных на Международном конгрессе историков-славистов в Санкт-Петербурге (13–16 сентября 2017 г.)². Позволю себе напомнить основные положения своего доклада.

В настоящее время мы наблюдаем завершение большой эпохи, «времени большой длительности» (по Фернану Броделю) в истории исторической науки восточнославянских стран — Беларуси, России и Украины. Главной характеристикой современного периода развития исторической науки является возникновение на постсоветском пространстве новых суверенных государств и наций, которые «ищут свою историю». При этом происходит фрагментация и распад прежде единого поля исследования, в том числе в области медиевистики, и появление у каждой национальной историографии «своего Средневековья». Распад поля исследования ведет и к распаду единого языка науки — прежде всего даже не в «национальном ключе», а в понятийном/концептуальном плане, поскольку наличие «своего Средневековья» предполагает и формирование собственного понятийного языка его описания и изучения, призванного адекватно отражать его

---

² Данные тезисы были опубликованы в журнале *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (*Мартынюк А. В.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 146–153), а также переведены и опубликованы в Чехии (*Martyňuk A. V.* «Velký rozkol» východoslovanské medievistiky: sedm tezí k diskusi // *Parrésia. Revue pro východní křesťanství. A Journal of Eastern Christian Studies*. 2017. Vol. XI. S. 259–270). Автор пользуется случаем выразить благодарность редакции журнала *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* за разрешение на перепечатку статьи и коллеге Йитке Комендовой (Оломоуц, Чехия), выполнившей перевод текста.

исторические реалии. Приведем лишь один пример: современный исследователь из Киева Вадим Аристов предлагает рассмотреть вопрос о возможности отказа от привычного для историка Древней Руси термина «летопись» в пользу терминов «анналы» и «хроника», которыми оперирует западноевропейская медиевистика³. Таким образом, историки из России и Украины могут в обозримой перспективе оказаться в ситуации «говорения на разных языках» даже в такой консервативной области, как базовое источниковедение истории Древней Руси, защищенной, казалось бы, незабываемыми академическими традициями. Если такая тенденция будет продолжаться, то в обозримой перспективе может исчезнуть и сам предмет исследования — история Древней Руси⁴, а вместо него возникнет новый предмет — история Беларуси/России/Украины в период Средневековья.

Повторимся: в такой ситуации нет ничего априорно негативного — очевидно, что историческая наука будет существовать и развиваться и в новых условиях. Но при этом неизбежно будет утрачено нечто очень важное, а именно — целостное видение Средневековой Руси как исторической эпохи, единого предмета исследования и одновременно уникального в своей завершенности феномена культуры, являющегося общим наследием трех восточнославянских народов. Не хотелось бы утратить данное видение, а вместе с ним и двухсотлетние (по крайней мере, от становления научной историографии) традиции восточноевропейской медиевистики.

Для характеристики данной ситуации нами был использован образ «Великого раскола», контуры которого уже проступили, но последствия еще не осознаются современниками. По нашему мнению, эта ситуация требует глубокой рефлексии со стороны профессионального сообщества историков-медиевистов, которые работают в области изучения восточнославянского Средневековья. В условиях, когда классические механизмы функционирования академического сообщества теряют свою эффективность, актуальной становится задача поиска новых исследовательских парадигм.

В качестве одной из возможных парадигм нами был предложен концепт «византизации» истории Древней Руси. Исследования в области историко-культурного наследия Византии являются ярким примером не «разделяющей», а «интегрирующей» историографической парадигмы. Истории Византии как научной дисциплине удалось избежать фрагментации и конституироваться в качестве своеобразной «вещи в себе», самодостаточной историко-культурной ценности, не требующей легитимации через свое значение для современности. По нашему мнению, подобной «вещью в себе» может стать и история Древней Руси — как общее наследие восточнославянских народов и самостоятельное поле исследования в мировой медиевистике. История Древней Руси видится нам как самодостаточная ценность, не сводимая к ранним этапам истории

³ См.: Аристов В. Давньоруська історіографія: Термінологічні роздуми // Середньовічна Русь: Проблеми термінології. Івано-Франківськ; Краків, 2018. (Colloquia Russica. Series II. Vol. 4). С. 79–91.

⁴ Здесь и далее нами используется как классический для историографии термин «Древняя Русь» применительно к истории IX–XIII вв., так и понятие «Средневековая Русь», предполагающее более широкие хронологические рамки (до XVI в. включительно) и несколько более выраженные культурные коннотации. В рамках данного текста оба термина используются как равнозначные, их более четкое дефинирование не представляется здесь принципиальным.

современных восточнославянских стран — Беларуси, России и Украины. В данном контексте мы считаем возможным говорить об аксиологическом подходе к истории и культурному наследию Средневековой Руси.

Отправной точкой для размышлений автора данной статьи послужила книга румынского исследователя Николае Йорги «Византия после Византии», вышедшая в 1935 г.⁵ Книга дала название исторической эпохе после падения Константинополя в 1453 г., а также определила новую перспективу изучения истории многих восточноевропейских и балканских стран, основанную на понимании и акцентировании их общего наследия. Данная исследовательская парадигма наиболее близка нашему пониманию того, как могла бы выглядеть *византинизация* истории Древней Руси. Таким образом, по нашему мнению, для современной восточноевропейской медиевистики парадигмальный характер приобретает опыт изучения истории Византии и средневековых балканских стран. Представленное в рамках сегодняшнего круглого стола выступление коллеги Михайло Поповича (Институт средневековых исследований Австрийской Академии наук, Вена) приглашает к дискуссии и в данном направлении.

НОВЫЕ ВОПРОСЫ — НОВЫЕ ОТВЕТЫ?

Предложенная парадигма византинизации истории Древней Руси определяет направление — «к какой цели стремиться», но не отвечает на вопрос, «как этой цели достичь». Именно данной проблематике и посвящен предлагаемый ниже вниманию читателя текст. В развитие своих «семи тезисов» автор предлагает «семь дискурсов» как основу для дальнейшей дискуссии. Многие из этих дискурсов связаны между собой и, конечно, в действительности их больше семи — однако с чего-то надо начинать. В соответствии с характером и задачами текста — приглашением к дискуссии — автор счел возможным пойти по пути персонификации обсуждаемой проблематики, присвоив каждому дискурсу имя конкретного ученого. Разумеется, выбор этих имен несколько условен, однако такой подход дает возможность конкретизировать и полемически заострить постановку вопроса в рамках ограниченного объема текста. Персоналии исследователей для наименования дискурсов сознательно взяты как из общемирового гуманитарного пространства, так и из восточнославянской академической и культурной традиции с целью подчеркнуть включенность обсуждаемых на примере истории Средневековой Руси вопросов в общее проблемное поле современной исторической науки. Автор счел целесообразным не перегружать научный аппарат представленной статьи ссылками на общекультурные знания, ограничив цитирование лишь немногими необходимыми ссылками на современную научную литературу.

ДИСКУРС МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА — ДИСКУРС ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В ИСТОРИИ

Понятие «патриотизм» является продуктом Нового времени, однако само явление имеет столь же древнюю историю, как и существование локально организованных человеческих сообществ. Столь же древнюю традицию имеет и проблематика взаимоотношений «патриотической повестки» с историей — стремлением общества осмыслить свое прошлое. Не будем углубляться в древность, ограничившись эпохой становления

---

⁵ *Iorga N. Byzance après Byzance: Continuation de l'Histoire de la vie byzantine.* Bucharest, 1935.

и развития истории как научного знания. В рамках российской академической традиции архетипичным случаем столкновения научного и патриотического дискурсов стал знаменитый «спор о варягах», разгоревшийся в 1749 г. между Михаилом Васильевичем Ломоносовым и Герардом Фридрихом Миллером. Возражения Ломоносова на «скаредную диссертацию» Миллера носили чисто политический характер: недопустимо «принижение» русской истории и русского имени, наука должна питать патриотические чувства, а не подрывать их. На примере «спора о варягах» видна чрезвычайная витальность патриотического дискурса: он пережил Империю, времена советского патриотизма, «боевую юность» национальных историографий и нашел сегодня свое пристанище в наивной простоте школьных учебников, неизменно подчеркивающих автохтонность титульных наций, вне зависимости от того, что на данную тему говорит современная медиэвистика.

Вероятно, именно в учебниках и место патриотической риторике — в хорошем смысле этого слова. Средние века — далекая и прекрасная эпоха, по отношению к которой современный исследователь сохраняет достаточную дистанцию, чтобы иметь возможность писать, например, о битве под Грюнвальдом, не отдавая обязательную дань «мужеству наших предков». Однако в последние годы медиэвистика вновь стала объектом общественного запроса на «гlorификацию истории», что проявилось в уже упомянутом выше феномене «мобилизации Средневековья». Остается надеяться, что современная академическая наука сумеет устоять от соблазна политической мобилизации в духе патриотической риторики.

ДИСКУРС НИКОЛАЯ КАРАМЗИНА — ДИСКУРС ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ

Знаменитый IX том «Истории государства Российского», вышедший в 1821 г. и посвященный второй половине царствования Ивана Грозного, произвел огромное впечатление на современников. Очевидно, это произошло не только в силу характера самого исторического материала, но и вследствие литературного таланта Николая Михайловича Карамзина, с первых же строк заворожившего читателя описанием «ужасной перемены в душе Царя и в судьбе Царства». Последствия перерождения и деятельности Ивана Грозного были представлены как разрушительные не только во время его правления, но и в перспективе дальнейшего развития России. Судьба страны оказалась неразрывно связана с личностью правителя — не с личностью правителя вообще, а с личностью конкретного царя, жившего в конкретную историческую эпоху.

Созданная Н. М. Карамзиным модель «идеологического прочтения» царя Ивана Грозного оказалась чрезвычайно продуктивной и вот уже 200 лет является в российском интеллектуальном пространстве своеобразной матрицей всех дискуссий о значении истории («древней и новой») для современности. Монархический или либеральный путь развития страны, власть и общество, тиран и его окружение, совместимость в личности правителя «гения и злодейства», пути развития страны (во всех сферах: политической, социально-экономической, военной, культурной и т. д.) и возможные альтернативы к ним — обсуждение всех этих тем, а также многих других, оказывается невозможным без использования аргумента *ad Ioannem*. Образ царя Ивана Грозного занял прочное место в общественном дискурсе и даже в наше время способен вызывать резкую поляризацию, например, в вопросе мемориализации памяти о Иване Грозном и его

эпохе. В дискуссии идеологического характера оказываются вовлечены и профессиональные историки. Нередко при этом стирается грань между научным исследованием и идеологически окрашенной интерпретацией: даже в начале XXI в. многие исследователи считают необходимым дать в своих сугубо специальных работах «моральную оценку» личности грозного царя или высказать предположение, как повлияла его деятельность на дальнейшее развитие страны.

Представляется, что для научной литературы традиции моральной оценки личности царя и объяснения современной России «через Ивана Грозного» являются архаикой, не отвечающей уровню развития научных исследований в смежных областях исторического знания. Да и в общественном дискурсе давно назрела потребность в «деидеологизации» царя Ивана Грозного, поиска ему адекватного места в исторической памяти и культурной традиции. По нашему мнению, найти такое место не так и сложно: царь Иоанн вполне достоин занять место «колоритного злодея», которое существует в исторической памяти и культурной традиции большинства европейских стран. Хочется воскликнуть: оставьте Ивана Грозного его эпохе и его культурному контексту! Его место — в ряду других колоритных злодеев XVI века, таких как король Филипп II в Испании и король Генрих VIII в Англии, а не на страницах сочинений, призванных предоставить «идеи», «факты» и «тенденции» для объяснения исторических судеб и современного состояния России, с каких бы идеологических позиций эти объяснения не преподносились.

ДИСКУРС ФЕДОРА ТЮТЧЕВА — ДИСКУРС КОНТЕКСТА И ПОНИМАНИЯ

Перу Федора Ивановича Тютчева принадлежит чеканное четверостишие о «понимании России», слишком известное, чтобы его цитировать. Отметим, что отсутствие необходимости такого цитирования показывает, что еще не утрачен общий культурный код, формирующий и пространство мышления специалистов-историков.

Противопоставление исторического развития России и Европы долгое время было «родовым пятном» российской историографии. В разные исторические эпохи оно было подкреплено идеологическим заказом со стороны государства: в XIX веке — со стороны правительства Российской империи, на протяжении большей части XX века — в рамках марксистско-ленинской идеологии и жесткой системы «инструментализации истории» в политических целях. Парадоксальным образом именно избыточная жесткость контроля в советское время вызвала реакцию отторжения и стала залогом быстрой смены научной парадигмы, когда политическая ситуация и идеологическая атмосфера изменились. Неслучайно эти изменения быстрее всего произошли именно там, где исторические вопросы были политизированы в наибольшей степени — а именно в упомянутом выше «варяжском вопросе», в области изучения скандинаво-славянских взаимоотношений и генезиса Древнерусского государства. Предвестником смены научной парадигмы стал в восточноевропейской медиевистике сборник «Славяне и скандинавы», вышедший в ГДР в 1982 г. (оригинальное название: «*Wikingen und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker*») и дополненный при переиздании в СССР в 1986 г. статьями советских авторов⁶. Результатом последующего развития исследований в этом направлении стало формирование в России научной школы мирового уровня в области скандинавистики.

---

⁶ Славяне и скандинавы / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986.

Для современной российской медиевистики в целом характерно не противопоставление, но поиск общего в частном, изучение культурного своеобразия Руси в мире средневековой Европы.

Сходные тенденции наблюдаются и в современных историографиях Беларуси и Украины. Здесь к актуализации сравнительной перспективы исследований и к поиску общеевропейского контекста естественным образом подталкивают особенности средневековой истории этих земель. В случае Беларуси — это включение белорусских земель в состав Великого княжества Литовского, вошедшего в конце XIV в. (после Кривской унии и католического крещения Литвы) в орбиту цивилизации Латинского мира. В случае Украины к проблематике «Литовской добы» (XIV век – 1569 г.) добавляется проблематика тесных связей Галицко-Волынского княжества с его западными соседями — Польским и Венгерским королевствами, а затем существования «Русского воеводства» в составе Польского королевства. Здесь скорее можно увидеть опасность иного рода. Увлечение сравнительной перспективой иногда приводит к «размыванию» истории собственно восточнославянского Средневековья. Очень часто современные исследователи резко ставят точку в истории Древней Руси в середине или в конце XIII в., рассматривая дальнейшее развитие разных земель Руси — Новгорода и Москвы, Галича и Львова, Полоцка и Гродно — в совершенно независимых друг от друга контекстах. При этом теряется из виду как проблематика «Древней Руси после Древней Руси»⁷, так и взгляд на единство истории восточнославянского мира в целом. Ниже мы вернемся к данной теме при рассмотрении «дискурса Михайло Грушевского».

В целом можно говорить о том, что прежняя традиция противопоставления запада и востока Европы уходит из восточноевропейской медиевистики в прошлое. Для современных исследователей характерен интерес к сравнительной перспективе, постановка вопроса о том, что в истории восточнославянского мира в Средние века и раннее Новое время было уникальным, а что — типичным в широком общеевропейском контексте. В качестве одного из самых удачных примеров такого рода исследований можно назвать книгу Михаила Марковича Крома, посвященную генезису так называемого «модерного» государства, т. е. государства Нового времени, на русской почве⁸. Автор убедительно показал, как общеевропейская модель модерного государства находила свое воплощение в конкретных формах трансформации Московской Руси в XV–XVI вв. Применение подходов исторической компаративистики открывает широкие исследовательские перспективы в самых разных областях истории восточнославянского мира.

Дискурс Михайло Грушевского — дискурс единства и/или разделения

Научное наследие Михайло Грушевского обширно и многообразно, во многих своих частях оно до сих пор не потеряло и своей собственно исследовательской актуальности (вопросы источниковедения, хронологии и др.). В историографии М. Грушевский останется, прежде всего, как создатель модели «большого нарратива» истории Украины, созданной *по образу* и одновременно *на замену* «большого нарратива» истории России как

⁷ Подробнее см.: Мартынюк А. В. Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского [не]единства. М., 2017. С. 29–37.

⁸ Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018.

общерусской истории (Н. М. Карамзин, С. В. Соловьев, В. О. Ключевский). Созданная ученым из Львова модель демонстрирует свою актуальность и в начале XXI в. — по сути, она легла в основу прочтения национальной истории в современной Украине.

В рамках выбранной нами перспективы исследования мы обратим внимание лишь на один аспект историософских построений М. Грушевского. Можно ли говорить о единстве исторической Древней Руси, или в истории имела место множественность сущностей под именем «Русь»? Уже сам М. Грушевский заложил основу для второй интерпретации, введя в название своего главного труда парадигмальное понятие «Русь–Украина». Если *настоящей* Русью была Украина, то иным областям восточнославянского мира может быть отказано в вопросе исторического правопреемства с Древней Русью. Такой подход получил сегодня свое развитие в украинской историографии, найдя кажущуюся опору в давно известном восточноевропейской медиевистике феномене «Русской земли в узком смысле слова». Суть проблемы заключается в том, что наряду с расширительным понятием «Русь, Русская земля» применительно ко всей территории Древней Руси (зафиксированного всем комплексом источников XI–XIII вв.), в древнерусских источниках второй половины XII – первой половины XIII в. фиксируется и другое значение этого термина — как территория Киевского княжества и некоторых сопредельных земель. Представление, что «истинной Русской землей» было и всегда оставалось *только* Поднепровье, становится сегодня аргументом в построениях, отрицающих политическое и этнокультурное единство Древней Руси и противопоставляющих Киевскую землю иным регионам восточнославянского мира⁹. Не столь отчетливо как в украинской историографии, но подобная тенденция «делить Русь» проявляется сегодня и в историографии российской. Из перспективы современной российской медиевистики ключевыми точками оказываются Ладога («первая столица Руси») и Новгород, а Киев и тем более Чернигов, Галич или Полоцк отступают на второй план. Менее артикулирована данная тенденция в современной белорусской историографии, хотя уже сама ономастическая реальность (Русь – Беларусь) подталкивает к появлению подобных концепций «исторического правопреемства».

Таким образом, уже сам выбор терминологии закладывает и предопределяет подходы исследователей в области изучения истории восточнославянского Средневековья. Если существовали «Руси» множественные и разные, настоящие и ненастоящие, то они имеют не только разную историю, но и разную предысторию, т. е. живут в разных «системах координат» — хронологических, географических и иных. Можно ли в таких условиях вообще говорить о каком-то единстве историко-культурного пространства Древней Руси? Можно ли (и нужно ли) сравнивать Новгород и Галич, Полоцк и Рязань? Или эти сравнения относятся уже к ряду типологических сравнений явлений из разных исторических контекстов, как можно, например, сравнивать протгородские цивилизации древней Месопотамии и Мезоамерики. Проблематика «своего Средневековья» для каждой из трех современных восточнославянских наций получает в этом случае свое предельное воплощение в концепции следования «исторического экспресса» от

---

⁹ Более подробно данная проблематика рассмотрена нами в статье: *Мартынюк А. В.* Некоторые наблюдения по поводу условий и механизма появления феномена «Русская земля в узком смысле слова» // *Середньовічна Русь: Проблеми термінології (Colloquia Russica. Series II. Vol. 4)*. Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 149–156.

палеолита к становлению национальной государственности, без остановки на «станции Древняя Русь».

ДИСКУРС ФРЭНСИСА ФУКУЯМЫ — ДИСКУРС О ПРЕДЕЛАХ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ИСТОРИЮ

Эссе (1989 г.), а затем книга (1992 г.) американского исследователя японского происхождения, провозгласившие «конец истории», сразу же получили статус интеллектуального бестселлера. Этот статус они получили вполне заслуженно: новые геополитические и культурные реалии требовали своего интеллектуального осмысления и оформления, которые и дал Фрэнсис Фукуяма, провозгласив современное западное общество высшей точкой политического и социокультурного развития человечества, таким образом *завершившего* свой исторический путь. Впоследствии исследователь неоднократно пересматривал свои взгляды, но для нас имеет значение именно изначальный тезис Фукуямы о «конце истории», поскольку он чрезвычайно удачно зафиксировал и сформулировал отношение современного общества к собственному прошлому.

Из этого тезиса можно сделать разные выводы, в том числе и применительно к истории Средневековья. Перефразируя Фрэнсиса Фукуяму (и Федора Михайловича Достоевского), можно сказать: «Если история закончилась, то все позволено». Если ход истории экзистенциально завершен, то мерилом ценности исторического развития является только то, что имеет место *здесь и сейчас*, а значит, неизбежным становится опрокидывание на прошлые эпохи современных оценок и представлений. Отметим, что данная ситуация является ярким примером аксиологического подхода, с его критерием отнесения к ценности. В этом случае, однако, такой ценностью являются не исторические реалии и культурное своеобразие предшествующих эпох, а современное состояние идеологического дискурса. Сам этот дискурс постулируется как незыблемый (коль скоро история завершена), но на практике он непрерывно меняется в соответствии со сменой социокультурной ситуации в обществе. Не вписывающиеся в этот дискурс исторические и культурные реалии подвергаются общественному суду и низвергаются с пьедестала — иногда в прямом смысле слова.

Историка вообще, а историка-медиевиста в особенности, не может не печалить исчезновение чувства историзма, свойственного не только науке, но и общественному сознанию в XIX–XX вв. История Средневековья все больше становится своеобразной раскрашенной постмодернистской декорацией, куда легко переносятся реалии и образы современности — политические (и особенно т. н. «политкорректные»), культурные, гендерные и пр. Такой подход уже возобладавал в масс-медиа и все сильнее начинает оказывать влияние на академические исследования в странах Запада. Удастся ли нам избежать подобной ситуации применительно к восточнославянскому Средневековью?

Иногда так случается, что ответ на какой-либо вопрос дается ранее, чем этот вопрос прозвучал. Вероятно, лучшим ответом на ситуацию «конца истории», релятивирующей (само)ценность предшествующих исторических эпох, являются слова Константина Николаевича Леонтьева, прозвучавшие за сто лет до Фрэнсиса Фукуямы:

«Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей восходил на Синай, что эллины строили свои изящные Акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арабеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари бились на турнирах для того только, чтобы

французский или немецкий, или русский буржуа в безобразной комической своей одежде благодушествовал бы “индивидуально” или “коллективно” на развалинах всего этого прошлого величия?»¹⁰

ДИСКУРС АЛЕЙДЫ АССМАН — ДИСКУРС КОНСТРУКТИВИЗМА В ИСТОРИИ

Порождением травматического опыта XX века стало желание «переработать» его средствами целенаправленной «политики памяти». В первую очередь такая повестка дня оказалась актуальной для исследователей из Германии, вынужденных переосмысливать историю своей страны в контексте итогов Первой и Второй мировых войн. Неслучайно именно работы немецких историков заложили основы данного направления в историографии. Статус современной классики приобрели в этом контексте исследования Алейды Ассман, имя которой и было выбрано автором для наименования данного дискурса.

Проблематика исторической памяти является сейчас чрезвычайно актуальной как для общества, так и для академической науки. Профессиональные историки с искренним воодушевлением открыли для себя возможность не только изучать, но и *конструировать* прошлое. Не были предусмотрены, но оказались в такой парадигме неизбежными «войны памяти» между различными образами прошлого. Действительно, коль скоро историческая память может быть *целенаправленно сконструирована* современными акторами (при этом отнюдь не только представителями профессионального сообщества историков), то у этих акторов неизбежно возникает соблазн сконструировать удобное для себя прошлое, а именно — реализовать в пространстве исторической памяти общества актуальную политическую и идеологическую повестку. Движение в данном направлении привело к чрезвычайно быстрой институализации работы с исторической памятью. Почти все страны Восточной Европы пошли по пути создания институтов национальной памяти, реализующих «государственную политику в истории» (см. публикацию А. И. Филюшкина в рамках данной дискуссии). Это привело к формированию совершенно новой ситуации: и прежде государство реализовывало свой взгляд на историю, но делало это (в той или иной степени) опосредованно — через сообщество историков. Сегодня новый инструментарий оказывается на практике отчужденным от профессионального сообщества историков. Ситуация, когда государству в обозримой перспективе будут не нужны профессиональные историки, чтобы писать историю (или: работать с исторической памятью), является принципиально новой и требует своего осмысления.

ДИСКУРС АНДРЕЯ ЗАЛИЗНЯКА — ДИСКУРС ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА

И здесь необходимо сделать оговорку, что проблематика взаимоотношений науки и общества, а также ответственности историка как ученого, имеет длительную традицию рефлексии в профессиональном сообществе, по крайней мере, со времен становления научной историографии в XIX в. Дискуссии по данному кругу проблем вновь стали актуальными в последнее время. Одно из лучших описаний сложившейся сегодня ситуации

---

¹⁰ «Письма о восточных делах» (1882–1883). Письмо VI // Леонтьев К. Н. Собр. соч. СПб., 1912. Т. 5. С. 426. Цит. по: <https://quotesbook.info/quotes/comment/92621> (последнее посещение: 20.06.2020).

принадлежит Андрею Анатольевичу Зализняку. В своей речи на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына (2007 г.) ученый предельно четко сформулировал существующие «вызовы» общества и дал на них ответы от своего лица и от имени всего профессионального сообщества:

«Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно:

1) Истина существует, и целью науки является ее поиск.

2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные:

1) Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).

2) По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке¹¹.»

Из двух поставленных А. А. Зализняком вопросов и ответов на них нас, в рамках рассматриваемой в данной статье проблематики, интересует первый: «Истина существует, и целью науки является ее поиск». Представляется, что это не только научное кредо конкретного исследователя, но и императив, имеющий значимость для всего профессионального сообщества историков на современном этапе. «История как наука или история как культурная практика (точнее: набор культурных практик) общества?» — на данный вопрос должен ответить каждый исследователь, поскольку от ответа на него зависит статус результатов изысканий, который он представляет профессиональному сообществу и обществу в целом. Общеизвестные *научные* результаты или *упражнения* на выбранную тему? Еще раз подчеркнем, что не вкладываем во второй вариант априорно негативное содержание. Однако с ответом на этот вопрос должен определиться каждый исследователь, в том числе и в области изучения истории Средневековой Руси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СОХРАНИТЬ РУСЬ И СОХРАНИТЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Как описанные выше семь дискурсов влияют на наши сегодняшние исследования в области восточнославянского Средневековья? «Нация — это каждодневный референдум», — сформулировал французский историк, писатель и исследователь проблем культуры Эрнест Ренан в докладе, прочитанном в Сорбонне в 1882 г. По нашему мнению, восточноевропейская медиевистика находится сейчас в сходной ситуации «каждодневного референдума»: в своей работе современный исследователь отвечает (осознанно или неосознанно) на очерченные выше семь «вызовов» — а также на многие другие, которые порождает практика исследовательской работы и рефлексия над ее задачами, направлениями, результатами и др. От ответа на эти вопросы зависит и то, по какому пути пойдет в дальнейшем изучение истории и культурного наследия восточнославянского Средневековья. Автор данного текста считает, что он уже достаточно подробно изложил свою позицию, и в завершение хочет обратиться к памятнику,

---

¹¹ Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына // https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464 (последнее посещение: 20.06.2020).

получившему в научной литературе условное название «Слово о погибели Русской земли». Этот небольшой по объему, но яркий и выразительный гимн родной земле, созданный в середине XIII в.¹², является одним из лучших образцов древнерусской литературы и заслуженно сопоставляется со «Словом о полку Игореве». Прочитируем самое начало памятника в переводе на современный русский язык, чтобы лучше ощутить интенцию произведения:

«О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славилась, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»¹³

Такова она, «светлая и прекрасная» Средневековая Русь — «вещь в себе», самодостаточная ценность, требующая не только научного изучения, но и аксиологического осмысления в качестве уникального и *завершенного* (подобно Византии) феномена культуры. Сохранить Русь и сохранить Средневековье — с таким призывом автор обращается к участникам дискуссии и коллегам-медиевистам.

Информация о статье

Автор: Мартынюк, Алексей Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси, Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь, e-mail: a.martyniuk@mail.ru, OrcID 0000-0002-0549-720X

Заголовок: История Средневековой Руси: От политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию

Резюме: В статье рассматривается современная ситуация в области изучения истории Средневековой Руси, очерчивается круг проблем, с которыми сталкивается исследователь данной эпохи, акцентируется внимание на проблеме политической инструментализации истории в современном общественном дискурсе. Современное состояние восточновропейской медиевистики характеризуется как дезинтеграция. Единая прежде область исследования стремительно распадается на отдельные «кластеры изучения». Решающим фактором этого процесса является становление на просторах Восточной Европы новых национальных государств, ищущих свои корни в истории. При этом происходит фрагментация и распад прежде единого поля исследования, в том числе в области медиевистики, и появление у каждой национальной историографии «своего Средневековья». Распад поля исследования ведет и к распаду единого языка науки — прежде всего даже не в «национальном ключе», а в понятийном/концептуальном плане, поскольку наличие «своего Средневековья» предполагает и формирование собственного понятийного языка его описания и изучения, призванного адекватно отражать его исторические реалии. Автор выдвигает тезис о необходимости аксиологического осмысления Средневековой Руси — как исторической эпохи, единого предмета исследования в историографии разных стран и одновременно уникального в своей завершенности феномена культуры, являющегося общим наследием трех восточнославянских народов. Для достижения данной цели автор предлагает концепт «византинизации» истории Древней Руси. Исследования историко-культурного наследия Византии являются ярким примером не «разделяющей», а «интегрирующей» историографической парадигмы. Истории Византии как научной дисциплине удалось избежать фрагментации и конституироваться в качестве своеобразной «вещи в себе», самодостаточной историко-культурной ценности,

---

¹² Отметим, что в историографии было высказано мнение о принадлежности памятника более позднему времени (XV в.), однако его следует оценить как недостаточно обоснованное, см.: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 268–269 (приложение издателей: Л. И. Лифшица, А. И. Плигузова, А. Л. Хорошкевич).

¹³ Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Под общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 131.

не требующей легитимации через свое значение для современности. Свою аргументацию автор выстраивает в виде семи тезисов, каждый из которых рассматривает одну из актуальных проблем современного исторического знания, в том числе и в области восточноевропейской медиевистики (дискурс патриотической риторики в истории, дискурс идеологического обоснования через историю, дискурс контекста и понимания, дискурс единства и/или разделения, дискурс о пределах вмешательства в историю, дискурс конструктивизма в истории, дискурс взаимоотношения науки и общества).
Ключевые слова: Древняя Русь, восточнославянское Средневековье, медиевистика, историография, тенденции развития исторической науки

Литература, использованная в статье:

- Арістов, Вадим Юрьевич.* Давньоруська історіографія: Термінологічні роздуми // Середньовічна Русь: Проблеми термінології. Івано-Франківськ; Краків, 2018. (Colloquia Russica. Series II. Vol. 4). С. 79–91.
Кром, Михаил Маркович. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
Мартынюк, Алексей Викторович. «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 146–153.
Мартынюк, Алексей Викторович. Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского [не]единства. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2017. С. 29–37.
Мартынюк, Алексей Викторович. Некоторые наблюдения по поводу условий и механизма появления феномена «Русская земля в узком смысле слова» // Середньовічна Русь: Проблеми термінології (Colloquia Russica. Series II. Vol. 4). Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 149–156.
 Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Под общ. ред. Дмитриева, Льва Александровича; Лихачева, Дмитрия Сергеевича. Москва: Художественная литература, 1981. 616 с.
 Славяне и скандинавы / Под общ. ред. Мельниковой, Елены Александровны. Москва: Прогресс, 1986. 416 с.
Феннел, Джон. Кризис средневековой Руси: 1200–1304. Москва: Прогресс, 1989. 296 с.
Филлюшкин, Александр Ильич. «Мобилизация Средневековья» как инструмент формирования представлений о славянском единстве // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2. С. 22–39.
Филлюшкин, Александр Ильич. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: Какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // Quaestio Rossica. 2017. № 2. С. 571–592.
Jorga, Nicolae. Byzance après Byzance: Continuation de l'Histoire de la vie byzantine. Bucharest: Institut d'Etudes Byzantines, 1935. 272 p.
Martyňuk, Alexej Viktorovič. «Velký rozkol» východoslovanské medievistiky: sedm tezí k diskusi // Parrésia. Revue pro východní křesťanství. A Journal of Eastern Christian Studies. 2017. Vol. XI. S. 259–270.

Information about the article

Author: Martyniuk, Aleksey Viktorovich — PhD in History, Head of the Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus, e-mail: a.martyniuk@mail.ru, OrcID 0000-0002-0549-720X

Title: The history of Medieval Rus': From political instrumentalization and conservatism of the academic tradition to axiological comprehension

Summary: The article devoted to the consideration of the current situation in the study of the history of Medieval Rus', focuses on the problem of political instrumentalization of history in modern public discourse. It is characterized as disintegration. The previously unified field of research is rapidly breaking up into separate "clusters of study". A decisive factor in this process of foundation in the Eastern Europe many new national states, finding their roots in history. At the same time, there is a fragmentation and disintegration of the previously unified field of research, including in the field of medieval studies, and the appearance of "its own Middle Ages" in each national historiography. The disintegration of the field of research also leads to the disintegration of a single language of science — first of all, not even in the "national key", but in the conceptual plane, since the presence of "one's own Middle Ages" also presupposes the formation of one's own conceptual language of its description and study. The author puts forward the thesis about the need for axiological understanding of Medieval Rus' — as a historical era, a single subject of research in the historiography of different countries and at the same time a unique cultural phenomenon in its completeness, which is a common heritage of three East Slavic peoples. To achieve this goal, the author proposes

the concept of “Byzantinization” of the history of Old Rus’. Studies of the historical and cultural heritage of Byzantium are a vivid example of “integrating” historiographic paradigm. The history of Byzantium as a scientific discipline managed to avoid fragmentation and was constituted as a kind of “thing in itself”, a self-sufficient historical and cultural value that does not require legitimation through its significance for modernity. The author constructs his argumentation in the form of seven theses, each of which considers one of the topical problems of modern historical knowledge, including in the field of Eastern European medieval studies (discourse of patriotic rhetoric in history, discourse of ideological justification through history, discourse of context and understanding, discourse of unity and / or divisions, discourse on the limits of interference in history, discourse of constructivism in history, discourse on the relationship between science and society).

Keywords: Old Rus’, East Slavic Middle Ages, medieval studies, historiography, historical science development trends

References:

- Aristov, Vadim Yuryevich. Davnorus’ka istoriografiya: Terminologichni rozhdumy [Old Rus’ historiography: terminological reflections], in *Serednovichna Rus’: Problemi terminologii*. Ivano-Frankivsk; Krakow, 2018. (Colloquia Russica. Series II. Vol. 4). Pp. 79–91. (in Ukrainian).
- Dmitriev, Lev Aleksandrovich; Likhachev, Dmitriy Sergeevich (eds). *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XIII vek [Monuments of literature of Old Rus’: 13th century]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 616 p. (in Russian).
- Fennel, John. *Krizis srednevekovoy Rusi. 1200–1304 [The crisis of Medieval Rus’: 1200–1304]*. Moscow: Progress Publ., 1989. 296 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich. «Mobilizatsiya Srednevekovyaya» kak instrument formirovaniya predstavleniy o slavyanskom edinstve [«Mobilization of the Middle Ages» as a tool for the formation of ideas about Slavic unity], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 2. Pp. 22–39. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich. «Mobilizatsiya Srednevekovyaya» kak poisk identichnosti: kakimi putyami Belorussiya khochet uyti ot istoricheskogo naslediya Rossiyskoy imperii i SSSR [«Mobilization of the Middle Ages» as a search for identity: in what ways does Belarus want to leave the historical heritage of the Russian Empire and the USSR], in *Quaestio Rossica*. 2017. No. 2. Pp. 571–592. (in Russian).
- Iorga, Nicolae. *Byzance après Byzance: Continuation de l’Histoire de la vie byzantine [Byzantium after Byzantium: The Continuation of the History of Byzantine Life]*. Bucharest: Institut d’Etudes Byzantines Press, 1935. 272 p. (in French).
- Krom, Mikhail Markovich. *Rozhdenie gosudarstva. Moskovskaya Rus XV–XVI vekov [Birth of the state. Moscow Rus’ of the 15th–16th centuries]*. Moscow: New Literary Review Publ., 2018. 256 p. (in Russian).
- Martyniuk, Aleksey Viktorovich. Drevnyaya Rus’ posle Drevney Rusi: k teoreticheskoy postanovke problemy [Old Rus’ after the Old Rus’: to the theoretical formulation of the problem], in *Drevnyaya Rus’ posle Drevney Rusi: Diskurs vostochnoslavlyanskogo [ne]edinstva*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2017. Pp. 29–37. (in Russian).
- Martyniuk, Aleksey Viktorovich. Nekotorye nablyudeniya po povodu usloviy i mekhanizma poyavleniya fenomena «Russkaya zemlya v uzkom smysle slova» [Some observations on the conditions and mechanism for the appearance of the phenomenon «Russian land in the narrow sense of the word»], in *Serednovichna Rus’: Problemi terminologii* (Colloquia Russica. Series II. Vol. 4). Ivano-Frankivsk; Krakow, 2018. Pp. 149–156. (in Russian).
- Martyniuk, Aleksey Viktorovich. «Velikiy raskol» vostochnoslavlyanskoy medievistiki: sem’ tezisov k diskussii [«The Great Schism» of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven Theses for Discussion], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 1. Pp. 146–153. (in Russian).
- Martyňuk, Alexej Viktorovič. «Velký rozkol» východoslovanské medievistiky: sedm tezí k diskusi [«Great Schism» in the East Slavic medieval studies: Seven theses for discussion], in *Parrésia. Revue pro východní křesťanství. A Journal of Eastern Christian Studies*. 2017. Vol. XI. Pp. 259–270. (in Czech).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna (ed.). *Slavyane i skandinavy [Slavs and Scandinavians]*. Moscow: Progress Publ., 1986. 416 p. (in Russian).